

Поэзия и время

Время и вневременное

«Времена не выбирают...», – сетовал один поэт. «Блажен, кто посетил...», – издалека возражал ему другой. Но как быть поэтам сегодняшним, проживающим своё линейное время, всей кожей ощущая его тектонические сдвиги? Как, обладая чувствительностью к колебаниям, рефлексировать на разрушительное разделение, на все эти неисчислимые трещины, проходящие через нашу культуру, наш род, вид, наш ближний и родственник круг?

Мне думается, что опыт второго поэта – пограничника и мыслителя – служит подсказкой. Появившись на свет в одной стране и пытаясь адаптироваться в другой, мы оказались ни там и ни здесь, мы – между выдохом и вдохом. Вся публика утекла в буфет, нам же отчетливо видна смена декораций, скрытый механизм сцены – какие-то лебедки, тросы, машины... Но, понимая всю условность как первого акта, так и последующего, – отчего не принять свое необычное положение как данность, не оценить происходящее как иллюзию, а справедливое волеизъявление – как шаг к свободе от известного? Разве поэзия не начинается с изумления; разве, отказавшись от повторений, поэт не переносится на другой этаж, где находит ответы на неразрешимые вопросы и счастлив лишь потому, что желаемое им – ближе вытянутой руки?

А еще его ждет понимание того, что Творчество, скромным посланцем которого он себя мнит, на самом деле не обрывается никогда. Важно лишь пробудиться, ожить от обморока, несмотря на войну или разруху, вновь ощутить единство со множеством самых простых людей, идущих поутру на работу и торопящихся к трамваям. И тогда, возможно, мы почувствуем, что огромным театром может управлять мелодия одной волшебной флейты, но как, зачем и почему она это делает и, наконец, кто этот Флейтист – мы расскажем только стихами.

Герман Власов – поэт, редактор. Живёт в Москве

Внутри стиха

Мы часто говорим о том, что главным критерием настоящей поэзии, достойной публикации и привлечения внимания максимально широкой заинтересованной публики, является не внешняя техничность и не идеологическая направленность, но сумма неких внутренних качеств. То есть ловко подобранный калейдоскоп образов, даже четко рассчитанная интонация, уж не говоря о виртуозной ритмике и рифмовке – это слабые, негодные критерии. Во-первых, что здесь «хорошее» и что «плохое»? В одном поэтическом пространстве прекрасно уживаются Ахматова и Вагинов, Пригов и Рубцов, которые писали, исходя из совершенно разных, а иногда и диаметрально противоположных литературных критериев. Во-вторых, всему этому, внешнему, можно научиться, имея известные способности. Научат писать хоть под Бродского, хоть под Всеволода Некрасова – учителей и школ довольно (даже слишком). Все не то.

Но что же стоит ценить «внутри» стиха? Например, его сущностное предназначение. Ведь подлинная поэзия это не самовыражение, не средство сведения счетов с врагами внутри цеха, политическими противниками, с судьбой-злодейкой и прочим. Даже не честное отражение происходящего (для этого лучше подходят другие виды литературы). Поэзия есть способ познания мира в его сиюминутной, преходящей ипостаси – и одновременно мира, обращенного в Большое Время, в Вечность. И – вместе с тем способ познания самого себя как неотъемлемой и уникальной части этого мира.

Вот какие стихи нам нужны. А написаны они могут быть хоть гекзаметром, хоть панковским верлибром, в нашем языке хватит ресурсов на оформление любой поэтической сути, была бы она подлинной!

Михаил Гундарин – поэт, прозаик, редактор. Живёт в Москве.